

РЪКОВЕДСТВО ПЪРВО

годъ

пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Мининовы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ 1721 и 1727 годовъ.
2. Диспозиція и церемоніаль въѣзда императрицы Анны въ С. Петербургъ въ 1732 году.
3. 23 письма императрицы *Екатерины II*—й къ И. О. Глѣбову, съ приложеніями. 1767.
4. О говѣніи чиновниковъ въ великій постъ (1789).
5. Собственноручные замѣтки *А. П. Ермолова* объ его молодости.
6. Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина, статья гр. *М. Д. Бутурлина*.
7. Невзданная басня *И. А. Крылова*: Пестрыя Овцы.
8. Изъ записной книжки *П. М. Языкова* (о гр. *Е. Ф. Канкринѣ*).
9. Смыслное дѣло о походѣ въ Хиву, 1697 г.
10. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года, *В. И. Даля*.
11. Изъ бумагъ о графѣ *Сперанскомъ* (сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*.)
12. Письма *Н. М. Карамзина* къ *Е. О. Муравьевой*.
13. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ *М. Н. Лонгинова*.
14. Новыя бумаги для біографіи герцога Бирона (сообщено *С. М. Соловьевымъ*.)
15. Шуточное письмо *Н. В. Гоголя*.
16. Замѣтка о родѣ *Шепелевыхъ*, г. *Дмоховскаго*.
17. Два слова о бібліотекѣ гр. Д. П. Бутурлина, *С. А. Соболевскаго*.

МОСКВА.

Въ типографіи Т. Рясъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1867.

башень, а владѣлецъ де ихъ Самангульханъ; города де и уѣзды подъ нимъ многіе, а воинскихъ людей у него тысячъ съ чотыреста и слывуть де они Кокутаны, люди де рукодѣльные, торговые, а не воисты; и мелкаго огнешнаго оружія много, зелье де и свинецъ дѣлають сами, а боевыхъ пушекъ, по сажени, будетъ съ пятьдесятъ; а воздухъ и воды у нихъ не здоровы, тлетворны, вѣтры часто бываютъ. Отъ Большой Бухаріи переправясь Аму-Даря рѣку, коя подъ Бухаріею и подъ Хивинскими жилищами до города Хивы, Хивинскими городами и кочевьями ходу иятнадцать дней, а межъ городовъ степь песчаная и водъ много, да не здоровы. А городъ Хива меньше Бухаріи, а строеніемъ такого же, а въ подданствѣ де къ Хивѣ постороннихъ городовъ много, а люди де невоисты, рукодѣльны; ружье и зелье дѣлають сами, а пушекъ де у нихъ не видали, а бояръ де называютъ они Аталъскими, служилыхъ людей Узбеками, крестьянъ Раятами, а родъ де ихъ Аральцы, Гурлеппы, Трухменцы. Да отъ Тобольска жъ де по допросамъ слободскихъ жителей многихъ вѣдомцевъ и бывальцевъ пристойная де дорога вешняго пути въ Казачью орду слободами въ верхъ по Тоболу рѣкѣ, чрезъ многія рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ до Торханскаго острогу 100 верстъ, отъ Торханскаго острога до Ялуторовской слободы 30 верстъ, отъ Ялуторовской до Суерской слободы 30 верстъ, отъ Суерской до Усть-Суерской 20 верстъ, отъ Усть-Суерской до Бѣлозерской 25 верстъ, отъ Бѣлозерской до Иковской 15 верстъ, отъ Иковской до Царева Городища 20 верстъ, съ Городища до Утяцкой 20 верстъ, отъ Утяцкой до Камыцкой 40 верстъ. И отъ тѣхъ верхнихъ Тобольскихъ слободъ съ Царева Городища и изъ Утяцкой и Камыцкой черезъ степь до Ишима ходу приходною Ордынскою дорогою 3 дни и степь равная, горъ нѣтъ, людямъ и скоту кормно. И переправясь Ишимъ-рѣку ходу большою лукою, прозваніемъ Улутагой, ходу до Каменнаго Брода 3 дни, и перебрѣдши по тѣмъ же вышписаннымъ урочищамъ до Туркестана ходу по дорогѣ Туркестанской, чтó писано выше сего.

И по тѣмъ ихъ сказкамъ велѣли мы, холопи твои, сдѣлать чертежъ на Бухарской бязи⁽⁴⁾ и рѣки урочища и дороги и города на томъ чертежѣ подписаны именномъ, и тотъ чертежъ послали къ тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, Тобольскаго уѣзда слободскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ съ сотникомъ съ Ѳедотомъ Матигоровымъ, да съ татаринѣмъ Стеушкѣмъ Мерченемъ; а пріѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явиться и отписку и чертежъ подать въ Сибирскомъ Приказѣ боярину князю Ивану Борисовичу Репнину съ товарищи.

(Выписано изъ Архива Министерства Юстиціи. Сообщено П. В. Калачовымъ).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ

изъ похода въ Хиву.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 и 1840 годахъ, по мысли и подъ предводительствомъ Оренбургскаго военнаго генералъ-губернатора (гр.) Василя Алексѣевича Перовскаго, для обузданія хищныхъ Хивипцевъ, безпокоившихъ тамошніе предѣлы Россіи, — почти вовсе у насъ не извѣстенъ. О немъ долго ходили темныя слухи, и не упоминалось ни единымъ словомъ въ Русской, всемъ доступной, печати. Только въ 1860 году, въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. при имп. Моск. унив. (кн. I, стр. 117—166), появилось, «сколько мы знаемъ, первое печатное извѣстіе объ этомъ достопамятномъ походѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Военное предпріятіе противу Хивы*. Статья эта очевидно составлена по бумагамъ подлиннымъ и содержитъ въ себѣ сжатое, но точное и дѣльное изложеніе всего хода дѣлъ. Цѣлью предпріятія, начатаго подъ видомъ посланки ученой экспедиціи къ Аральскому морю, было «смирить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упорочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать полную свободу торговлѣ нашей» На издержки

(4) Бязь—бумажная ткань, бумажный холстъ.

должно сняться вдругъ, а выючится исподволь: верблюды лежать завьюченные часа по три и ожидаютъ неготовыхъ, а это тяжело. Сверхъ того, караваны мѣняють усталыхъ верблюдовъ на пути и размѣниваютъ ихъ на обратномъ слѣдованіи. Всего этого намъ нельзя дѣлать, и не смотря на все это, мы придемъ благополучно, сдѣлаемъ что приказано и воротимся къ своимъ. Всякій изъ насъ убѣжденъ въ необходимости и въ пользѣ этой мѣры, что крайность заставила правительство наше поднять на этихъ воровъ копье и штыкъ; всякій идетъ охотно, не только по долгу, но и по убѣжденію.

Шесть часовъ. Бьютъ зорю. Снѣгъ хруститъ за кибиткой. Буранъ стихаетъ. Я выглянулъ за двери и велѣлъ ставить чай, и пожалѣлъ, что Штернберга нѣтъ съ нами. Лунный свѣтъ сверху, зарево огнемъ снизу, а въ срединѣ лазоревая тьма. На землѣ кипитъ еще кровь наша, выше земли тьма, для насъ непроницаемая, еще выше свѣтъ, а какой, можно только иногда догадываться, когда душа безотчетно къ нему стремится и его пугается. Но какая это догадка? Догадка слѣпая о цвѣтѣ молока, по разсказу поводатаря, что оно походитъ цвѣтомъ на гуся, котораго слѣпой также знаетъ только ощущавъ руку поводатаря, согнутую клюкой для изображенія гуся!.... Хозяйство мое не слишкомъ озабочиваетъ и беспокоитъ меня.... Вообще слава Богу, все идетъ довольно дружно, живутъ большею частью по людски, а это, ей Богу, не бездѣлица. Мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и грызться, коситься и отплеиваться тѣсно. Заканчиваю на сегодня, въ другой разъ болѣе; тѣсно, и генералъ *Молоствовъ* пришелъ, совѣстно занимать у него мѣсто, а я пишу на его кровати.

Продолжаю 9 Дек. Сидимъ вокругъ огонька. Чихачевъ разсказываетъ, какъ онъ, близъ Квито, въ Коломбін, долженъ былъ проходить каждый разъ черезъ экваторъ, чтобы спросить стаканъ воды, т. е. черезъ черту, которую *Lacondamine* ⁽³⁾ провелъ. В. А. также вошелъ сей часъ и забавлялся долго, слушая громкіе споры веселой братіи, ко-

торая его не замѣчала. Благородный, душевно уважаемый мною Молоствовъ, который теперь командуетъ нашей колонной, сидитъ, насунувъ мягкую казачью шапку на брови и дремлетъ, сей часъ спѣлъ онъ намъ солдатскую пѣсню и затихъ: онъ сердечный усталъ, проработавъ весь день. Чихачевъ сдѣлавъ попечителемъ госпиталя. Я по крайней мѣрѣ числюсь секретаремъ и гофмаршаломъ. Одинъ Ханыковъ благоденствуетъ въ бездѣйствіи, постоянно засѣдаетъ въ огромномъ совикѣ своемъ и въ лѣтней фуражкѣ предъ огонькомъ, на стулѣ, на первомъ мѣстѣ, и не встаетъ ни въ какомъ случаѣ съ мѣста, чтобы его не заняли, а зоветъ Курумбая, который въ цѣломъ отрядѣ вошелъ уже въ поговорку. Разговоръ идетъ объ акцизѣ, откупѣ, налогахъ, монополіи.

10-го Декабря. Сегодня выпли въ $\frac{1}{2}$ 5-го и пришли на мѣсто рано, въ $\frac{1}{2}$ 11-го, на рѣчку Талась-бай, которая течетъ омутами, пропадаетъ подъ землей и снова выходитъ. Это одинъ изъ пяти притоковъ р. Илека, который составляетъ у Бишъ-тамака пятью рѣчками. Бишъ-тамакъ значитъ *пять устьевъ*. Сегодня утромъ было болѣе 30°, теперь 28°; при всемъ томъ, слава Богу, мы не зябнемъ. Сажу теперь у желѣзной печи въ каютъ-кампаніи, пишу на стулѣ, стоя на колѣняхъ. До Эмбы осталось намъ 6—8 дней ходу, потомъ до Усть-Урта двѣ недѣли, по Теть-Урту столько же — и пришли! Надобно же надѣяться, что жестокіе морозы прекратятся, и погода установится потеплѣе. Я, откровенно говоря, самъ удивляюсь, что все это намъ такъ хорошо съ рукъ сходить и что мы живемъ припѣваючи при постоянной стужѣ въ 20—30 градусовъ. Ночь довольно тихая; бьютъ зорю—слышны только оклики часовыхъ и позывы того или другаго къ корпусному командиру. Знаете ли что? Въ лагерѣ трудно иногда доискаться того или другаго,—этотъ полевой и подвижной таборъ становится каждый день на новос мѣсто, улицы и переулковъ нѣтъ, по этому заведено разъ навсегда, во всѣхъ походахъ, что начальникъ зоветъ подчиненнаго просто во весь голосъ изъ своей кибитки, и кричать: пе-

(3) Извѣстный ученый путешественникъ.

редавай! Въ одну минуту весь лагерь оглашается именемъ того, кого ищутъ, съ прибавленіемъ къ кому—и всякого легко отыскать. Больныхъ у насъ много; все лихорадки и горячки, 3—4 озноба, незначительныхъ впрочемъ; поносы, нѣсколько возобновившихся хроническихъ болѣзней. Старикъ Молоствовъ захворалъ, говорятъ, что худо переноситъ сильную стужу; у В. А. глаза совсѣмъ поправились, слава Богу. Изъ насъ нѣтъ ни одного больного, только Иванши захворалъ, потому что хотѣлъ непремѣнно поставить на своемъ и вытерпѣть весь походъ въ одномъ тепломъ сюртукѣ и *холодной* шинели верблюжьяго сукна; я его много уговаривалъ, но онъ увѣрялъ, что ему тепло. Дѣлаютъ чай: еслибъ вы увидѣли этотъ сбродъ пестрыхъ, цвѣтныхъ, полосатыхъ, одноцвѣтныхъ и всякаго калibra халаты, куртки, шпенсеры, сертуки, черкески, казакины, чекмени и чекменьки, увѣрю васъ, что это стоитъ кисти Штериберга, особенно если бы онъ не упустилъ разнообразныя шапки, кушаки, пояса, платки, шали, косынки и пр. «Оселъ въ квадратѣ» восклицаетъ въ эту минуту Ханыковъ «что я не взялъ съ собою перины!» Надо вамъ сказать, что ему Курумбай стелетъ каждый день семь ковровъ, семнадцать кошмъ и полстей, подушки, тулупы, шубы, но ему, Сарданапальской душѣ, всего этого мало! Онъ и теперь, какъ обыкновенно, занимается мѣсто предсѣдателя передъ топкой желѣзной печки и курить изъ черешневаго чубука своего талежника въ оглоблю. Да, у Волженцова, молодого казака, который взять нами для съемки шкуръ и проч., у него сѣла на подбородокъ Сибирская язва; вырѣзали, присыпали во время, и все прошло благополучно; онъ здоровъ. Доброй ночи.

21-го Дек. на Эмбѣ, въ укрѣпленіи нашемъ Аты-Якши, что значитъ по Русски: *доброе имя*. Ура! 500 вер. прошли; не успѣемъ оглянуться какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту—и пришли. Зима жестокая; 16° у насъ ни почемъ, что называется тепло, если только нѣтъ вѣтру. Только два дня было у насъ 10° и въ полдень еще меньше,

теперь снова наладилъ морозъ—свѣтовичъ 16, 18, 20, 25. Благодаря Бога, все удивительно благополучно, всего не болѣе челоуѣкъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что по всей вѣроятности она еще будетъ цѣла. Вы заботитесь обо мнѣ: говоря по совѣсти, положивъ руку на сердце, я со времени выхода изъ Оренбурга не *зябъ*, не только не подвергался опасности отморозить руку или ногу. Многіе познобили себѣ носы, щеки, это правда, и у многихъ нарастаютъ на лицѣ другая и третія шкура; но я невредимъ доселѣ и приписываю это осторожности своей. Многіе чрезвычайно легко одѣты; увѣряютъ, что теплѣе одѣваться тяжело и пр. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ; я одѣтъ очень тепло и притомъ легко сажусь на лошадь, двигаю руки и ноги безъ затрудненія. Не заботьтесь также объ утратѣ знаменитаго совика моего, которому нѣтъ подобнаго во всей поднебесной, или по крайней мѣрѣ въ нашемъ отрядѣ. Совикъ Штериберга также довольно одолжителенъ, и лебяжья куртка, которую я еще покрылъ верблюжьимъ сукномъ и не спускаю съ плечъ, грѣетъ какъ печь. Вы все хотите подробностей, велите избѣгать общихъ мѣстъ и замѣчаній! Вотъ они вамъ, не скучайте, сами на нихъ напросились. Ханыковъ, получивъ имя Сарданапаль-пани, съ минуты прибытія нашего на Эмбу, переселился въ укрѣпленіе къ астроному Васильеву, и мы его больше не видимъ. Сегодня несчастный Курумбай его потащилъ туда на плечахъ своихъ семисаженную кошму, ковры, подушки и всю спальную сбрую. Верблюдовъ угнали веретъ за 10 на тебеневку; поэтому Курумбай долженъ былъ взять на себя ихъ обязанность, а постель Ханыкова право составляетъ хорошій выюкъ. Васильевъ опредѣлилъ широту и долготу Аты-якши: 31½ градуса южнѣе Оренбурга и 21½ восточнѣе. Это стало быть широта винограда, кипариса и почти даже винныхъ ягодъ и оливки,—а у насъ спѣтъ завалилъ все, буранъ свищетъ, и трескучій морозъ погоняетъ рьяныхъ коней, коней своихъ во всю Ивановскую и

собрался, кажется, гнать насъ до самого нелзя. Боялись, что мало будетъ снѣгу: что впередъ Богъ дастъ, а именно на Усть-уртѣ и здѣсь небесной манны этой въ волю. Она насъ питаетъ: уже много разъ почевали мы безъ воды. Далѣе: Леманъ усердно распарываетъ мышей и въ Самоѣдской ермолкѣ своей много походить на папу Пія VII-го. Чихачевъ, какъ попечитель больницы, много хлопочетъ и до того заботится о лошадяхъ своихъ, что идетъ всегда $\frac{3}{4}$ перехода пѣшкомъ и не спитъ ночь, навѣдываясь по часту, хорошо ли ихъ кормятъ. Теперь мы опять у сѣна, а нѣсколько дней кони голодали и отрывали бѣдный кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ. Сегодня считали и пересчитывали всѣхъ верблюдовъ, осматривали, много ли плохихъ, негодныхъ вовсе и хорошихъ: почти пятая часть оказываются негодными и должны быть выписаны въ инвалиды. Это досадно: подновить ихъ нечѣмъ! Далѣе: Мулла будетъ скоро разстриженъ, поступаетъ въ войско, съ чиномъ урядника и черезъ два три дня произведенъ будетъ въ хорунжаго: честолюбіе морозитъ и убиваетъ насъ, а дивизіонъ 1-го казачьяго полка портитъ кровь, взвариваетъ желчь и заставляетъ говорить печенкой вмѣсто легкаго. Мулла ретивый и честный, надежный парень. Смѣшить онъ насъ, когда завернувшись вечеромъ въ огромную кошку свою, занимается мѣсто за троихъ, и если кто начинаетъ ссориться съ нимъ и требовать, чтобъ онъ легъ поубористѣе, поумѣстительнѣе, то крихтитъ, стонетъ и притворяется больнымъ. За это ему столько достается, что онъ уверяетъ и божится, что дѣлаетъ это во снѣ и самъ того не помнить. Мы впрочемъ раздѣлились на двѣ юллы: шестерымъ тѣсно, нельзя разводить огня. Теперь мы стоимъ въ одной три, въ другой четыре человѣка, лежимъ просторно и разводимъ огонекъ. При томъ нѣкоторые изъ сотоварищей нашихъ негодовали на беззаботность другихъ, которые отнюдь не хотятъ хлопотать даже за себя и предоставляютъ это занятіе любителямъ. Мулла, Ивановъ, Чихачевъ и я въ одной юламѣ, а въ двухъ шагахъ отъ насъ Леманъ, Ханыковъ и кор-

нетъ Шоттъ, ординарецъ В. А. Впрочемъ артель наша не раздѣлилась: кони, люди и верблюды остались подъ вѣденіемъ Иванова, а мулла произведенъ въ чай-баши, и разливаетъ въ кибитченкѣ нашей чай. Знаете ли, какъ хорошо посидѣть вокругъ огонька и пить чаекъ!

Въ укрѣпленіи гарнизонъ живетъ въ довольно опрятныхъ и удобныхъ землянкахъ, но воздухъ въ нихъ спертый, нездоровый и ничѣмъ не можетъ быть исправленъ. В. А. покупаетъ у здѣшнихъ Кайсаковъ нѣсколько кибитокъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ нихъ часть больныхъ и здоровыхъ. Я также согласенъ, что въ кибиткахъ, съ огоньками, жить гораздо здоровѣе. Кайсаки всѣ кочуютъ спокойно на своихъ мѣстахъ, ничего не боятся, и доселѣ ихъ никто не тронулъ волоскомъ. Старый хрѣнъ Юсупъ Кулановъ явился съ просьбою, чтобы камышъ на зимовѣ его, верстахъ въ 8 отсюда, былъ пощажень. Вѣроятно просьбу его исполнять, хотя для насъ это очень неудобно.

IV.

Аты-Якши, на р. Эмбѣ, 23 Декабря.

Вчера мы было уговорились съ удалымъ уральскимъ есауломъ Назаровымъ (Максимомъ) ѣхать сегодня до свѣту на кабановъ, которыхъ здѣсь въ камышахъ много. Я всталъ сегодня часа за полтора до свѣту, вышелъ съ холода на холодъ, потому что въ юламѣ нашей также не было еще огня, — свѣтъ сильно захрустѣлъ подъ ногами, дыханіе мгновенно мерзло на длинныхъ усахъ и на бородѣ: я не брился уже болѣе мѣсяца, со дня выступленія изъ Оренбурга. Окинувъ взглядомъ воротникъ тулупа, подъ которымъ провелъ ночь, я встрѣтилъ нѣсколько длинныхъ сосулекъ: видно холодно. Подошедши съ фонаремъ къ термометру Чихачева, висящему постоянно подъ часами, у кибитки В. А., я узналъ, что и сегодня опять 26°. Воздухъ тихъ, небо ясно, звѣзды сверкаютъ. Подумавъ хорошенько, разсудилъ, что лучше остаться дома, особенно еще послѣ бани, или лучше выразиться по польски: *мовни*, потому что я съ Ивано-

Русскій Архивъ. 14.

вымъ вымылся вчера вечеромъ у Зайчикова въ землянкѣ. И такъ я пошелъ въ юламу Назарова, который занимался разливкою чая, и объявилъ, что я на сегодня отщепенецъ. Ханыковъ, который, на все время нашего здѣсь пребыванія, перебрался въ укрѣпленіе къ Васильеву, снарядился однакоже и поѣхалъ на кабановъ. Онъ былъ замѣчательно уродливъ въ огромномъ, толстомъ совикѣ своемъ, съ ружьемъ (въ чехлѣ) за плечами, особенно, когда сердился въ это время и подбиралъ пули и патроны по калибру. Я совѣтовалъ ему дружески оставить воинственные, предприимчивыя затѣи свои и ѣхать просто зрителемъ, потому что кабанъ иногда не любитъ шутить, а испуганная выстрѣломъ и нападеніемъ кабана лошадь не рѣдко скидываетъ подобныхъ ѣздоковъ. Онъ однакоже пребылъ твердъ и не поколебимъ; пошли ему Господь на этотъ разъ побольше равновѣсія. Пившись чаю, выпелъ я взглянуть на восходящее солнышко, мутное, блѣдное, сонное,—и увидѣлъ вмѣсто одного солнца три. При нынѣшней стужѣ мы уже частенько видѣли эти побочные облики Аполлона, но ни разу еще обликъ не былъ такъ хорошъ, какъ сегодня. Рѣшительно нельзя было сказать, которое изъ трехъ видимыхъ свѣтилъ настоящее солнце; можно было только догадываться, что это, какъ обыкновенно, среднее. Я забылъ сказать, что передъ самымъ восходомъ, надъ солнцемъ поднялся высокій столпъ яркаго свѣта, потомъ уже явились три солнца, потомъ вскорѣ начали тускнѣть, два изъ нихъ приняли радужные цвѣта и растянулись нѣсколько по виртикалу, края ихъ заплыли, и ярче разгорѣвшееся солнце разогнало остатки своего подобія. День ясный, тихій, почти теплый—а 26°!! Въ землянкахъ укрѣпленія 8°—10° тепла, а между тѣмъ тамъ жарко и душно; дыханіе видно, какъ въ холодной комнатѣ, а намъ, окостенѣвшимъ уже на морозѣ, жарко. Свѣтлыя искры льются по воздуху, переливая фіалковыя, радужные цвѣта; блескъ снѣга на землѣ невыносимъ безъ наглазниковъ, и большимъ, которыхъ въ одномъ нашемъ т. е. 4-мъ отрядѣ болѣе 70 человекъ, не хорошо: тутъ никакое лѣкарство не помогаетъ, коли самъ

не подымешься. Болѣзни большею частію простудныя, въ укрѣпленіи напротивъ до сотни человекъ горячихъ, цыготныхъ и проч. Землянки ихъ хороши, по землянка всегда землянка: будь она опрѣтна и свѣтла, все она подъ землей! Вотъ почему, кажется, очень хорошо дѣлаютъ, что хотятъ вывести большую часть гарнизона въ кибитки. Вѣрьте мнѣ, въ кибиткѣ и при 30° хорошо и тепло, былъ бы только днемъ огонекъ, хоть маленький, чтобы можно погрѣться глазами и воображеніемъ,—и былъ бы на ночь хорошій тулупъ да кошма. И такъ, морозу мы не боимся, не шутя: пишу это при 26°, въ такое время, когда продолженіи мѣсяца два только раза термометръ показывалъ мѣнѣе 10°, шесть разъ болѣе 28-ми, двѣнадцать дней болѣе 20-ти. Мы простоиимъ здѣсь съ недѣлю или болѣе; можетъ статься, морозы спадутъ. Это было бы желательно для нижнихъ чиновъ, которые не могутъ раскладывать бивачныхъ костровъ, а иногда съ нуждою только сварятъ свою кашницу. Ихъ кормятъ очень хорошо; теперь даютъ по цѣлому фунту мяса въ день. Здѣсь вблизи кочуютъ Назаровцы (Чиклинцы) и начинаютъ уже садиться на зимовье. Отрядъ нашъ проходилъ мѣстами вплоть мимо ауловъ ихъ, и къ чести отряда должно сказать, что никто не тронулъ Кайсаковъ пальцемъ, не смѣлъ взять волоска, или клокъ шерсти, не говоря уже о барабѣ. Я не думалъ, что все это обойдется и можетъ обойтись такъ чинно. Извѣстный батыръ—въ старые годы наѣздникъ и воръ—Юсупъ Кулановъ получилъ вчера хорошіе подарки, между прочимъ сиій кафтанъ, двуствольное ружье и золотой перстень съ арабскою надписью. Старикъ, лѣтъ 80, былъ очень доволенъ и обѣщалъ стараться о пополненіи недостающихъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Для этого черезъ недѣлю будетъ у насъ туй, т. е. пиръ, на который должны собраться всѣ ближніе Назаровцы и вести съ собою скотъ, что у кого лишнее есть, и за каждую голову будутъ платиться деньги.

Написавъ это, я отправился въ столицу нашу, въ укрѣпленіе, самъ не зная, за чѣмъ

и къ кому, такъ прогуляться. Вдругъ входитъ Ханыковъ, мерзлый, отчаянный; онъ воротился съ неудачной охоты, и говоритъ: «идите скорѣе въ лагерь, васъ ищутъ: гонцы прибыли съ Акъ-Булака (со втораго укрѣпленія) съ извѣстіемъ, что тамъ дерутся съ Хивинцами». Вотъ, разсказъ посланныхъ: 13-го Декабря отправлены были отсель 130 человекъ пѣхоты и сотня казаковъ въ Акъ-Булакъ, чтобы привести оттолѣ всѣхъ больныхъ, до сотни. Команда эта, ничего не чая, остановилась для послѣдняго ночлега 18 Дек. верстѣ за 10 недоходя укрѣпленія, и ночью вдругъ Хивинцы съ крикомъ и визгомъ напали, кипувшись напередъ всего на лошадей. Лошади были стреножены, но до 30 тревогъ лопнуло, и кони шарахнулись безъ удержу; 40 верблюдовъ поскакали за ними вслѣдъ. Между тѣмъ отрядецъ справился, собралъ остальныхъ лошадей и верблюдовъ, окружилъ себя заваломъ изъ телегъ и вьюковъ и благополучно выдержалъ 1½ дневную осаду 2-хъ до 3-хъ тысячъ Туркменъ, Каракалпаковъ и Хивинцевъ. Казаки и солдаты отстрѣливались славно, кидались нѣсколько разъ изъ засады своей на неприятеля, который наконецъ принужденъ былъ удалиться. Съ нашей стороны убиты: три солдата и два казака; ранено 11. У Хивинцевъ потеря не извѣстна, потому что они утаскивали убитыхъ и раненыхъ съ собою; но сами посланные, бывшіе жоками при отрядѣ, видѣли 8 человекъ, свалившихся съ лошадей. Трое убиты были такъ близко, что тѣла ихъ Хивинцы не успѣли выхватить и покинули. На одномъ изъ посланныхъ была завоеванная сабля, которыхъ взято 5. Прибывъ за тѣмъ благополучно въ укрѣпленіе, молодцы наши услышали здѣсь, что тотъ же Хивинскій отрядъ осаждалъ его три дня, но не могли нанести ему никакого вреда и потерявъ нѣсколько человекъ отъ гранатъ и картечи, прошелъ мимо, вѣроятно для развѣдокъ; — и на этомъ то розыскъ встрѣтилъ конвой, посланный для больныхъ. Вся слава разбойниковъ и трусовъ состоитъ въ томъ, что они звѣрски замучили и разрѣзали по частямъ одного Кайсака, посланнаго, охотой, съ увѣщательными грамотами къ Хивинскому

народу, къ Каракалпакамъ и проч., дабы, по возможности, предупредить напрасное кровопролитіе. Прибывшіе сюда гонцы нашли остатки тѣла его на дорогѣ, верстѣ не болѣе какъ въ 5—6 отъ самого укрѣпленія. Это озлобило вообще всѣхъ Кайсаковъ до того, что они называютъ Хивинцевъ кя-фырами, не мусульманами и кланутся въ мести. Тѣмъ вѣрнѣе будутъ они намъ служить, тѣмъ менѣе можно ожидать побѣговъ, хотя, правду сказать, и теперь изъ отряда нашего бѣжало Кайсаковъ 3 или 4 человекъ, и только изъ числа высланныхъ за нами Бай-Мохамедомъ, при 350 верблюдахъ, прибывшихъ вовсе отдѣльно и по себѣ, бѣжало 12 человекъ Кайсаковъ. И такъ, первая побѣда надъ неприятелемъ одержана, а главное—Хивинцы вышли изъ гнѣзда своего и должны теперь драться. Пора спать: до завтраго. Двое Кайсаковъ прибывшихъ съ этою вѣстію вызвались для опасной посылки, а другихъ охотниковъ не было. Это тѣже самые, которые были отсюда посланы жоками съ командой, ушедшей въ Акъ-Булакъ за больными. Одинъ изъ нихъ человекъ бывалый, видѣлъ войну между Кайсаками, видѣлъ войну Хивинцевъ съ Персіанами, съ Бохарцами,—по эдакой войны, говорить, какъ бой 200 человекъ, этой горсти, за тюками и телѣгами, не видалъ. Онъ не можетъ надивиться хладнокровію солдатъ нашихъ, которые почти двое сутокъ отстрѣливались, пѣли при этомъ пѣсни, какъ именно Кайсаки замѣчаютъ въ разсказѣ своемъ, даже курили трубки. У Хивинцевъ было два трубача, огромныя, саженныя трубы съ широкимъ растробомъ; трубачи эти сзывали правовѣрное воинство на бой; всѣ около нихъ собирались, но, какъ трубачамъ, нельзя было подѣзжать близко къ заваламъ нашимъ, потому что-де стрѣляли оттуда, то и наѣздники выѣстъ съ трубачами давали тылъ. Причина весьма удовлетворительная: у трубача, какъ у всякаго другаго молодца тогоже калибра, лобъ не за каменной стѣпой. Очень хвалятъ поручика Ерофѣева, командира роты, за хладнокровіе и распорядительность его. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что въ первый разъ попалъ въ огонь и войны не видалъ. Сол-

дать было съ нимъ, какъ я узналъ теперь вѣрнѣе, 170 челов., а казаковъ сотня, изъ коихъ 40 верхами, а лошади изъ подъ остальныхъ были заложены въ сани и телѣги, подъ больныхъ. Все это прекрасно. Остаются только неодолимые хлопоты съ больными, этою вѣчною мукою всѣхъ военныхъ отрядовъ: за ними сто разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ за убитыми. У насъ, въ 4-й колоннѣ, ихъ уже до 90 человекъ.

У насъ идетъ повѣрка и пересмотръ верблюдовъ: ихъ должно бы быть 10 т.; но выходить менѣе, такъ, что за выключкой негодныхъ едва наберется 8 т. Запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя будетъ взять болѣе чѣмъ на мѣсяцъ; прежде не рассчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвозу. Впрочемъ, у насъ есть еще порядочный запасъ въ Новоалександровѣ, это ближе, и туда можно будетъ послать съ мѣста: туда всего отъ Хивы двѣ недѣли ходу. Солдатъ кормятъ очень хорошо, даютъ имъ теперь по полному фунту мяса на день; не смотря на это, они болѣютъ. Сначала выступленія В. А. были очень озабочены неисправностію цѣпи нашей; не умѣли опрашивать проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ; поэтому всѣ паличные при штабѣ офицеры стали обходить (ночью) цѣпь и повѣрять часовыхъ. Нынѣ дошли до того, что можемъ быть спокойны; часовые стоятъ хорошо и понимаютъ обязанность свою. В. А. вчера ночью хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь; часовой устави́лъ ему штыкъ въ грудь и побоялся, что заколетъ, если не остановится на мѣстѣ до прихода ефрейтора, котораго звалъ отчаяннымъ голосомъ. Мы также боялись частыхъ побѣговъ Кайсаковъ съ верблюдами, но доселѣ было только два или много три случая, остальные служатъ хорошо и стали даже сами (т. е. не верблюды, а Кайсаки) выучить ихъ къ крайнему облегченію войска. Бай-Мохамедъ прислалъ 380 верблюдовъ, изъ числа этого ушло дорогою 42 верблюда, т. е. 12 челов. съ ними бѣжали. Удивительно,

что доселѣ нѣтъ здѣсь самого Бай-Мохамеда, ему срокомъ назначено было 15-е число, и онъ хотѣлъ прибыть съ 400 Кайсаковъ.

Насчитать ли вамъ, хотя ради не большаго самохвальства, всѣ неудобства нашего необыкновеннаго похода? Начинаю тѣмъ, что еслибы идти намъ по утвержденнымъ и установленнымъ на этотъ предметъ общимъ постановленіемъ, то мы бы доселѣ не дошли далѣе Илецкой Защиты. Напримѣръ: предписывается посылать квартиреровъ, занимать биваки всегда по близости селеній, разводить бивачные огни, стоять на мѣстѣ, ждать, если морозъ превышаетъ 15°. Хороши бы мы были! Долго бы намъ пришлось дожидаться пятнадцати градусовъ, и дожидаться, покалѣ вырастутъ на пути лѣса и выстроится селенія! Мы идемъ глубокимъ снѣгомъ, цѣликомъ, безъ дороги,—и это тяжело; верблюды безпрестанно развьючиваются, за ними хлопотъ много, и много остановки; нѣсколько верблюдовъ пристають вовсе, на каждомъ переходѣ,—надобно сказать по отряду, искать порожняго верблюда, чтобы не покинуть выюка; а между тѣмъ Кайсаки рѣжутъ отслужившаго горбуна и дѣлятъ между собою мясо. Расчитывали, что на верблюда могутъ садиться попеременно по два солдата, оно справедливо, и верблюдъ несетъ двухъ человекъ легко; но оказывается, что жесткая сума солдатская занимаетъ много мѣста и сверхъ того набиваетъ верблуду задній горбъ, а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подъ ножъ. Число верблюдовъ сравнительно съ числомъ войскъ, очень велико; верблюдъ, избалованное животное, которое требуетъ—не корму, не воды, а присмотру. Не хорошо навьючить, не выровнить тюки, пустить веревку черезъ горбъ—значить лишиться верблюда, онъ уже не служака и изъ счету вонъ; каждый день надобно разгребать снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюды укладываются и даже, гдѣ только можно, срывать землю, до талой земли—работы много. Надобно также подстилать подъ скотину эту кошмы или камышъ; а солдаты гораздо охотнѣе укрываются кошмами сами и жгутъ камышъ, и верблюды болѣютъ идохнутъ.

В. А. уѣхалъ въ укрѣпленіе, отъ котораго мы въ полуверстѣ—заботиться о больныхъ; папа Іій VII-й поймавъ Menonites Tamariscina и очень доволенъ; онъ ходитъ по сугробамъ свѣга въ мѣховыхъ сапогахъ, нагольномъ тулупѣ и самоѣдской скуфѣ, закрываясь локтемъ отъ жестокаго бурану. Сарданапалъ-царевичъ возвратился съ охоты благополучно и очень удачно, т. е. къ счастью не видалъ кабана и остался цѣль и невредимъ. Ивановъ варитъ пельмени, разъ по семи на день и ѣсть, увѣряя, что это грѣетъ. Мулла, нынѣ чиновникъ, урядникъ, взялъ у меня ружье, посылавъ о близости Хивинцевъ и пригоняетъ пули. Сабли онъ не снимаетъ съ себя даже ночью, потому что теперь онъ военный человекъ. Чихачевъ таки дохолодился на морозѣ до того, что его вчера маленько встряхнуло—нынѣ онъ здоровъ. Бодиско стоитъ отъ насъ саженьяхъ во ста, за штабомъ, въ обозѣ; мы видимъ его только за обѣдомъ, да изрѣдка навѣщаемъ; ему вчера выдернули зубъ, который его нѣсколько дней сильно мучилъ.

Я помянулъ пельмени: скажите пожалуйста тому, до кого это можетъ касаться,—что пельмени наши никуда не годятся; въ Оренбургѣ, какъ вы чай помните, была оттепель; заботливый поваръ нашъ пересыпалъ ихъ въ это время мукой, чтобы не слиплись всѣ въ одинъ пельмень—теперь, какъ сварятъ ихъ, точно клейстеръ, мука сваренная въ водѣ. Между тѣмъ ѣдимъ ихъ очень прилежно, потому что французскій самоучитель, М-г L'Appetit, даетъ намъ полезные уроки. Вчера вся честная пьющая братія возстала на меня дружнымъ и шумливымъ оплотомъ, за то, что я не умѣю достать вина для нихъ, которое замерзло въ боченкѣ. Я просилъ наставленія, какъ это сдѣлать,—потому что боченокъ на морозѣ не отойдетъ, а рубить его не приходится; водяныя части вина разумѣется замерзли напередъ, а послѣ уже спиртовые, и потому надобно бы оттопить все. Велегласное совѣщаніе кончилось тѣмъ, что нельзя ничего сдѣлать, и трое ретивыхъ спорщиковъ, которые хвалились, что распорядились бы гораздо лучше, еслибы дѣло было поручено

имъ, замолчали. Имъ однакоже очень прискорбно, что мы завтра, первый праздникъ, будемъ безъ вина. И такъ сегодня сочельникъ; походная церковь наша поставлена въ укрѣпленіи; зеленая кровля шатромъ виднѣется издали. Въ Оренбургѣ храмикъ нашъ исчезалъ среди высокихъ зданій,—здѣсь, между курныхъ и дымныхъ кибитокъ, между рыхлыхъ землянокъ, занесенныхъ сугробами свѣга, между будками шитыми на живую нитку изъ лубковъ и рогожъ, походная церковь составляетъ самое великолѣпное зданіе. Тридцать два заряда приготовлены, колоколъ сзываетъ на всенощную—здѣсь конечно отъ созданія міра впервые раздастся звонъ христіанскаго колокола. Для сочельника вѣтеръ стихъ; погода прекрасная, мы ходимъ въ однихъ курткахъ и сертучкахъ—и не можемъ надивиться, что термометръ докладываетъ намъ о 14 градусахъ. Это, право, оптический обманъ. Земля нырнула уже въ глубокую тьму—вокругъ поднимаются искристые столбы туманнаго свѣту, это огни наши; вблизи на всѣхъ кибиткахъ, по своду кровли, широкія огненные прорѣхи, изъ которыхъ вылетаетъ дымъ, паръ, и тутъ и тамъ искры; часовые опять затаили уже круговую зѣвоту свою, верблюды угнаны на далекое пастбище, и потому унылыхъ пѣней ихъ не слышать. Все тихо;—«солдатъ стой, убью—солдатъ стой, что отрылъ?» раздается тутъ и тамъ—и благодать Господня почіетъ на христіанскомъ воинствѣ.

Командиръ колонны перемѣняется по случаю назначенія Толмачева командующимъ пѣхотой, Цюлковскаго кавалеріей, Кузминскаго артиллеріей. Первой колонной командуетъ полковникъ Бизяновъ, славный, почтенный старецъ и знакомецъ мой, уралецъ, ходившій еще при Павлѣ I въ аломъ кафтанѣ и синей шапкѣ, воевавшій еще съ Суворовымъ—и первая колонна идетъ впередъ, чуть ли не на второй день праздника. Счастливы и завидны путь!

V.

27 Дек. Четыре колонны наши пойдутъ отсюда эшелонами, съ тѣмъ, чтобы 1-я колонна приняла въ одномъ или двухъ пере-

ходахъ отъ Акъ-Булака высланныхъ оттуда, подъ прикрытіемъ Чижева, больныхъ, передала ихъ за переходъ во 2-ю, тамъ въ 3-ю, 4-ю, и такимъ образомъ будутъ они доставлены благополучно сюда, и мы не лишимся конвоя своего, который въ иномъ случаѣ долженъ бы проводить больныхъ и съ ними остаться. Чихачевъ еще открылъ, что термометръ его вралъ на $1\frac{1}{4}^{\circ}$, а именно показывалъ меньше, потому что висѣлъ на кибиткѣ В. А., въ которой бывало до 20° и болѣе тепла. Стало быть 6-го Дек. у насъ было до 34° морозу, что и согласно съ наблюденіемъ въ другихъ колоннахъ. Странная болѣзнь появляется здѣсь изрѣдка, скажите мнѣ, что это такое: начинается прямо безпамятствомъ и сумашествіемъ, между тѣмъ какъ по всему нельзя предполагать тутъ воспаленія мозга; человѣкъ до пяти заболѣвали, и двое умерли.

Отъ Оренбурга шли мы все въ гору, вверхъ по Илѣку; перешли Сыртъ, т. е. раздѣленіе водъ, возвышеніе Буссага, которое на картахъ изображаютъ огромными, небывалыми горами; тамъ спустились внизъ по Эмбѣ и теперь пойдемъ низменною степью до самаго Чинта. До Эмбы земля довольно плодородна, растетъ ковыль, а гдѣ ковыль, тамъ можетъ расти и хлѣбъ; отселъ далѣе почва илистая, песчаная, солонцеватая, глинистая, словомъ, дно морское: растутъ одни тонкія солянки и мелко-травчатая полынь, да мѣстами бурьянъ и помочка, словомъ земля голодная, лѣтомъ почти непроходимая. По Илеку сидѣли аулы Ташияцевъ; здѣсь Чиклины, и именно Назаровцы; это народъ довольно дикій, многіе изъ нихъ не видали отъ роду Русскихъ;— между тѣмъ аулы ихъ сидятъ спокойно кругомъ, не уходятъ, потому что зимою имъ бѣжать нельзя, и приводятъ даже скотъ на продажу; имъ велѣно поставить намъ сколько можно верблюдовъ и лошадей. Нѣсколько ауловъ вѣденія Куль-Джани не дали вовсе верблюдовъ, когда собирали ихъ для экспедиціи и платили найму по 10 руб. серебр. за каждый. Этимъ молодцамъ задана теперь задача—поставить двѣ сотни горбуновъ. По случаю ссоры Назаровцевъ съ Хивинцами никакихъ вѣстей о войскахъ ихъ нѣтъ;

не знаемъ что и какъ будетъ, а надѣемся встрѣтить ихъ.

28 Дек. Кто скажетъ намъ, какіе это Хивинцы съ нами дрались? Передовой ли отрядъ, или просто команда Менембая (Джангиза), которая вышла встрѣчать караванъ и сорвать съ него что можетъ, и вздумала прислужиться хану нападеніемъ на Акъ-Булакъ? Статься можетъ, что мы ихъ и не удивимъ больше, и знаменитою вылазкою двѣнадцати солдатъ и 4-хъ Грозненскихъ казаковъ кровопролитіе кончится! По человѣчеству—прекрасно; но, соображая цѣль многотрудной и дорогой экспедиціи нашей, дурно. Если все обойдется по христіански, чинно, смиренно, тихо — тогда не узнаютъ страха, и нельзя поручиться, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ Хива не сдѣлалась опять тѣмъ же вертепомъ. Если напротивъ придется побить ихъ путемъ, разбить какой нибудь глиняный валъ или стѣну ядрами или подорвать его миной, поднять на штыкъ ихнее ополченіе, разнести, какъ говорится, пепелъ хвостомъ конскимъ: тогда бы помнили Русскихъ долго. Первая угроза имъ легла бы смерчемъ на безпутное ханство, и каждое требованіе было бы свято исполняемо.

— Вчера В. А. въ первый разъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ: колонны въ сборѣ, и потому всѣ могли наблюдать ихъ хорошо. Впрочемъ, никогда употребленіе этого средства на сухомъ пути не можетъ сдѣлаться до такой степени общимъ, какъ на морѣ (*): тамъ ничего не мѣшаетъ наблюдать огни, тамъ часовой закричитъ: сигналы — и вахтенный, не сходя съ мѣста направляетъ глаза или трубу въ ту сторону, гдѣ флагманъ; здѣсь иному придется бѣжать съ версту, покуда найдетъ того, кому надо наблюдать, и этому опять искать чистаго мѣста, откуда сигналы видны.

Мы обстрѣливаемъ коней своихъ: мои, мухортый и карій, ничего не боятся, словно знали, что подъ такого богатыря пойдутъ. Для охоты это очень пріятно. Леманъ вчера

(*) Передъ назначеніемъ въ Оренбургъ гр. Перовскій служилъ нѣкоторое время въ морскомъ вѣдомствѣ, П. Б.

бздилъ верстъ за десять, видѣлъ горы морскихъ ракушекъ и животныхъ, далъ нѣсколько промаховъ изъ ружья и щедро наградилъ казаковъ, которые убили ему пятокъ куропатокъ и два жаворонка. Онъ гѣшился ими. Чихачевъ, выбривши и вымывши всю прислугу нашу, сжегъ рукавъ совика, обрѣзалъ огромные бахилы и работалъ потомъ съ астрономомъ Васильевымъ. Онъ, Чихачевъ, постоянный метеорологъ нашъ, беретъ высоты, наблюдаетъ барометръ, термометръ и даже баро-термометръ: машинка, по которой черезъ кипячение перегонной воды узнается возвышеніе мѣста отъ поверхности моря, потому что вода, какъ извѣстно, кипитъ при различной температурѣ, смотря по возвышенію мѣста или тяжести воздушнаго надъ нею столба. Мнѣ поручено строить койки, о которыхъ я говорилъ, и это занятіе право больше идетъ ко мнѣ, чѣмъ быть очень неисправнымъ буфетчикомъ. Но, что всего лучше, у насъ теперь прекрасныхъ, сухихъ, березовыхъ щепъ вдоволь: въ юламѣ пылаетъ неугасимый огонь, и Весталка наша, знаменитый Бай-сенъ Чихачева, не можетъ нахвалиться щедротами Аллаха. У Байсена этого рожа право самая неблагопріостойная, разсудка нѣтъ, кажется, ни на волосъ, а между тѣмъ онъ пасетъ прекрасно верблюдовъ, день и ночь караулитъ лошадей и стоитъ намъ теперь дороже трехъ исправныхъ деньщиковъ. Мы позвали вчера вечеромъ моего Саната въ юламу, сѣли вокругъ огня, затопили чайникъ, произвели Муллу-Нура въ чайбаши и заставили Саната разсказывать сказку, услышавъ случайно, что онъ большой мастеръ этого дѣла. Что же вы думаете? Право мы изумились; ждали какого нибудь вздору, а Санатъ мой высыпалъ намъ цѣлую поэму о Чуръ-батырѣ, Ногайцѣ, въ презамысловатыхъ стихахъ, съ безконечнымъ ожерельемъ прибаутокъ, съ рпемами, съ пѣснями, съ припѣвами, складно, ладно и причудливо. Это большая рѣдкость между Кайсаками; у нихъ обыкновенно не найдете, въ народной поэзіи, воспоминаній былевыхъ, а пѣснопѣвцы слагаютъ стишки свои, по четыре въ строфѣ,

на обумъ, помня немногіе изъ нихъ на изустъ. Чуръ-батыръ непременно будетъ переписанъ, отъ слова до слова, и переведенъ на Русскій языкъ. Я далеко не все понималъ, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самого разсказа съ Русскими богатырскими сказками. Что такое народная поэзія? Откуда берется это безотчетное стремленіе нѣсколькихъ поколѣній къ одному призраку, и какимъ образомъ наконецъ то, что думали и чувствовали въ продолженіи десятковъ или сотенъ лѣтъ цѣлые народы, племена и поколѣнія, оживаетъ въ словѣ, воплощается въ словѣ одного, и снова развивается въ толпѣ и дѣлается общимъ достояніемъ народа? Это загадка. Сто устъ глаголятъ одними устами—это хоръ древнихъ Грековъ, и значеніе хора ихъ можетъ понять только тотъ, кто способенъ постигнуть душою, что такое народная, созданная народомъ поэма: это дума вслухъ цѣлаго народа, цѣлыхъ поколѣній народа. Для меня, это первый залогъ нашего безсмертія. Говорятъ: гласъ народа, гласъ Божій; что же сказать о гласѣ цѣлаго поколѣнія? Этотъ залогъ—долженъ найти свой отголосокъ, онъ не замретъ въ простотѣ и силѣ своей, а отголоска ему въ этомъ мірѣ нѣтъ. Такъ-то мы читаемъ въ каждой книгѣ не то что написано, а то, что можемъ понять и постигнуть, что тронетъ и займетъ насъ; такъ-то народныя преданія для иныхъ—бабы сплетни, для иныхъ совсѣмъ иное.

Такъ коловратно все на свѣтѣ! Не болѣе трехъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончилъ эту страницу письма, и погода измѣнилась, сдѣлалось гораздо теплѣе, вѣтеръ затихъ, а у насъ въ отрядѣ двухъ Кайсаковъ разстрѣляли. Ночью бѣжало шесть человекъ съ 18-ю верблюдами, а потомъ всѣ верблюдишки въ колоннѣ Толмачева объявили, что далѣе идти не намѣрены, а хотятъ воротиться. Причины раздумья ихъ были очень просты: верблюды-де у насъ плохи, устанутъ, не дойдутъ, неприятель впереди, время опасное—такъ зачѣмъ мы туда пойдемъ? В. А. выѣхалъ къ нимъ тотчасъ самъ, велѣлъ ихъ собрать и окружить карауломъ, человекъ до 200. За тѣмъ

Ивановъ растолковалъ имъ, что мы всё идемъ не по своей волѣ, а по волѣ Государевой, что всякій, кто теперь смѣетъ сказать: «я не иду далѣе» ослушникъ и преступникъ и долженъ быть строго наказанъ; что Кайсаковъ у насъ кормятъ хорошо, даютъ имъ мяса и крупъ болѣе чѣмъ солдату; что непріятеля имъ бояться не для чего, какъ могутъ заключить изъ первой стычки нашей съ нимъ: тамъ Кайсаки лежали, по распоряженію офицера, за пулями, а солдаты и казаки отстрѣливались; солдаты же и казаки ранены и убиты, а Киргизы всё цѣлы и пр. За тѣмъ спросили всю толпу, кто понялъ рѣчь эту, образумился и хочетъ идти, и кто нѣтъ. Нѣкоторые увидали, что мимо ихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками, а другіе съ ружьями за ними, и спѣшили бѣгомъ перебраться на правую сторону; другіе послѣдовали ихъ примѣру, а семь человѣкъ, и въ томъ числѣ знаменитый ораторъ, который кричалъ за всѣхъ, что мы де не пойдемъ, перешли на лѣвую сторону. Послѣднихъ тотчасъ же окружили казаки съ пиками, и В. А. указалъ на одного изъ нихъ (кажется, на перваго вѣстрѣчнаго, на кого упала рука). Его вывели, раздѣли, завязали глаза, и залпъ раздался. Велѣдъ за тѣмъ та же судьба постигла другаго, остальные пять зывали о милосердіи и отдавали души свои въ поруки, что готовы идти на край свѣта. В. А. сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ во уваженіе просьбы султана-правителя Бай-Мохамеда, который присутствовалъ тутъ же, и образумѣвшіеся глупыши, бѣгомъ, кувыркомъ и прыжкомъ, пробрались между лошадьми и пиками на правую сторону, къ праведнымъ. Примѣръ этотъ необходимъ. Подкрѣпи только Господь здоровье В. А. (*) и душевную силу его! Онъ иногда бываетъ очень разстроенъ отъ безпрестанныхъ непріятностей и трудовъ, отъ заботъ, которыя нельзя устранишь и не всегда можно увѣнчать успѣхомъ.

(Окончаніе будетъ.)

(*) Сравни Р. Ахр. 1863, Записки гр. Перовскаго.

ИЗЪ БУМАГЪ О ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ, ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЕГО „ЖИЗНИ“, ИЗ- ДАННОЙ ВЪ 1861 ГОДУ. (*)

I.

Къ стр. 22-й (примѣч.) тома II-го.

Здѣсь упоминается о собственноручномъ письмѣ графа Павла Александровича Шувалова. Оно было отъ 27-го Августа 1815-го года, во время заточенія Сперанскаго въ селѣ Великопольѣ. Вотъ что писалъ ему графъ:

„Je saisis avec le plus vif empressement l'occasion du départ de Mr Mohiliansky pour me rappeler à votre souvenir. Je serais déjà à Novgorod pour avoir l'honneur et le plaisir de vous voir; mais l'Empereur n'étant pas ici, je ne puis quitter Pétersbourg; dès qu'il sera arrivé, je lui en demanderai la permission. Je vous réitère par écrit la prière que je vous ai déjà faite par quelques personnes; je vous la fais avec les plus vives instances: employez-moi si je puis vous être utile; donnez-moi les moyens de l'être; la voix d'un honnête homme peut se faire en entendre auprès d'un Souverain comme le notre. Il peut être abusé quelquefois, mais ne se refusera pas à l'évidence. Employez-moi, je vous en supplie, toujours et comme vous le croirez le mieux; vous prouverez par là que vous conservez quelque amitié à celui qui vous a voué pour la vie l'attachement le plus sincère et la reconnaissance la plus vraie.“

Т. е. „Пользуюсь съ живѣйшею готовностію отъѣздомъ г. Могилянскаго, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Я уже непременно былъ бы въ Новгородѣ, чтобы имѣть честь и удовольствіе свидѣться съ вами, если бы отсутствіе Государя не удерживало меня въ Петербургѣ; но тотчасъ по его возвращеніи я буду просить дозволенія васъ посѣтить. Между тѣмъ возобновляю письменно, и притомъ самымъ настойчивымъ образомъ, прось-

(*) Сообщеніемъ этихъ бумагъ почтилъ наше изданіе высокоуважаемый авторъ «Жизни графа Сперанскаго», баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. П. Б.